

НИК ПЕРУМОВ

ПЕПЕЛ АСТАРДА

КНИГА 3

Гибель Богов 2

Ник Перумов
Пепел Асгарда
Серия «Миры Упорядоченного»
Серия «Гибель богов – 2», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8339500

Пепел Асгарда: Феникс; 2021
ISBN 978-5-222-37415-3

Аннотация

Много столетий Старый Хрофт был одинок, все его собратья погибли в Боргильдовой битве. В новом мире нет места Древним Богам, но Один не хочет с этим мириться. Ему удаётся встретиться с последней из своих дочерей-валькирий Райной, вместе они отправляются в опасное путешествие. Их цель – возродить Асгард!

Содержание

Пролог	4
Глава I	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Ник Перумов

Пепел Асгарда

Пролог

Валькирия

Митгард.

Незадолго до Боргильдовой битвы.

Восточный Хьёрвард, фьорды на Море Ярлов.

Боги Один и Локи.

– Смотри, Локи, там, кажется, какое-то празднество.

– Угу. Пиво наверняка свежее...

– Х-ха. Пиво. Как там сказано у скальдов?

*Меньше от пива
пользы бывает,
чем думают многие;
чем больше ты пьёшь,
тем меньше покорен
твой разум тебе¹.*

¹ «Старшая Эдда», «Речи Высокого», строфа 12. Перевод с древнеисландского А. Корсуна под редакцией М. Стеблин-Каменского.

– У скальдов! Великий Один, Отец Богов, скромничает. Не пристало могучему Асу скрывать, что эта виса – его собственная. Не Браги, а твоя, мой названный старший брат.

– Ну, может, и моя, коль уж ты так настаиваешь. Но я не гонюсь за славой, хитроумный наш Локи.

– «Не гонюсь за славой» – сказал кто?! Ой, держите меня, сейчас лопну от смеха.

– Скорее уж Тор поймает тебя, и тогда уж ты точно лопнешь, если только он прознает про твои шашни с его женой, Сиф.

– Не виноват я! – почти искренне возмутился бог огня. – Она сама меня соблазнила! Сама ко мне пришла! Мол, Тор пренебрегает ею, общество его молота, видать, ему желанней, чем её ласки, вечно пропадает он где-то на востоке, и постель бедняжки Сиф холодна!

– И ты, конечно же, поспешил на помощь страданице. Ох, Локи, острословец ты наш, думаешь, что всегда найдёшь, чем отпереться. Впрочем, смотри – там, похоже, не просто ярмарка! Оно и верно, какие торжища по весне-то...

Локи враз посерьёзnel.

– Пиво там точно есть, правда, чую я и кое-что ещё...

Двое асов, отец богов Один и хитроумный бог огня Локи, по обыкновению, странствовали вдвоём, приняв обличье бедных путников. Правда, с волшебным копьём Гунгнир, что не знало промаха, Один так и не расстался. А вот Локи и вовсе не взял с собой никакого оружия – зачем, если

в его власти вся разрушительная мощь огненной стихии? Капюшон Локи откинул, ярко-рыжие волосы трепал весёлый весенний ветер. Пахло морем, распускающимися почками, поднимающейся травой; на большой дороге скрипели колёса, а от недалёких фиордов поднимался щекочущий ноздри воинов запах смолы – ярлы готовили боевые драккары к скорым походам.

Такова правда жизни – сильный утверждает своё право, и слабый должен или обрести силу сам, или прислуживать сильному. Иного не дано. У зверей лишь лучшие из лучших оставляют потомство, не давая выродиться породе; и у людей право длить свой род тоже добывается одним лишь оружием. Так было, так будет. Жестоко время Древних Богов, и не знают они иного склада. Ведь иначе нельзя – болезни выкосят те роды, где не знают сурового закона жизни, их угоды отойдут иным, кто сильнее. И, сколь бы ни молили слабые о спасении, ответ им будет лишь один – стань сильнее.

– Так что ж это за празднество такое, Отец Богов? – Локи прищурился, глядя на обширную площадь, со всех сторон окружённую торговыми рядами. Перекрёсток дорог, бойкое место, однако никто пока не возвёл здесь городских стен, не наложил лапу на этот рынок и не начал собирать мыто.

Но сейчас здесь готовились явно не торговать. Большая и шумная толпа окружала высокие повозки с водружёнными на них клетками, свистела, улюлюкала, гыгыкала и вообще всячески изъясляла восторг пополам с нетерпением.

Большей частью здесь собрались простые пахари, смешавшись с ремесленниками; среди них затесались и дружинники ярлов; эти отличались ростом, статью и оружием. С мечами или боевыми топорами ходили почти все мужчины, женщины – с кинжалами, но дружинник ни за что не показался бы на людях без железного шишака, кольчуги и тяжелой двуручной секиры.

– Зверинец странствующий, что ли? – удивился бог огня.

Один безмолвствовал. Он уже понял, что здесь творится. Отец Богов успел заметить клетки не только со зверьми, но и с людьми.

Клетки с рабами.

Раб – не человек. Невольник, не лишившийся жизни в честном бою, выбравший позорный ошейник, недостоин Валгаллы, его ждёт тёмная пасть царства Хель. Траллсов, то есть рабов, не жалеют и не щадят. Если ты воин и тебя скрутили оглушённого – даже с голыми руками, даже связанный, бросься на пленивших и дерись вплоть до ногтей и зубов. Ты упадёшь, изрубленный, но смерть твоя окажется быстра и весела. Великий Ас, Владыка Асгарда, с почётом встретит тебя у врат Валгаллы, валькирии поднесут тебе рог с пенистым мёдом, эйнхерии примут тебя в свой круг, и начнётся новая жизнь, весёлая жизнь, прекрасная жизнь истинного мужа – битвы, охоты, пиры.

И так до самого часа Последней битвы, когда в пламени погибнет Мировое Древо, великий ясень Иггдрасиль, небес-

ный свод обрушится на землю, а суша погрузится в бездонные воды.

Умри достойно, но не смей жить рабом! Нет ничего страшнее и безысходнее вечного прозябания в Хель. Даже если ты – дева, или жена, угодившая в руки находников, – сражайся также, всем, чем угодно: шпилькой для волос, фибулой-заколкой для плаща, ею можно выцарапать глаза насильнику. И тогда тебя за гранью смерти встретит ласковая богиня Фрейя, проведёт на свои луга, где живут немногие избранные ею жёны, те, кто пал с честью, кто заставил содрогнуться даже мужей.

А рабы и рабыни... эта доля для слабых телом и духом, для недостойных. Пример для всего народа фиордов, пример того, как нельзя жить; рабская участь несравненно, непредставимо хуже смерти.

Раб – не человек. И, следовательно, с ним можно сделать всё, что угодно.

Толпа окружала круглую арену, вбитые в землю потемневшие от времени – и не только! – столбы в целый обхват. Меж ними набиты внушительной толщины жерди, натянуты сети, сплетённые из канатов в руку взрослого человека.

Не требовалось особой мудрости, дабы понять, что тут затевается.

– Смотри, Отец Богов, у них тут даже драконейт!

– Смелые люди, однако, владеют сим зверинцем, – отозвался Старый Хрофт, глядя на злобную морду страшилища

и клыкастую пасть. Зубы неостановимо грызли и грызли железо прутьев, с отвислых чёрных губ на пол из не ошкуренного горбыля капала зеленоватая пенящаяся слюна.

– Да, смелые, – согласился Локи. – Это ж надо – подобраться к самому гнезду, дожждаться, пока мать не начнёт выгонять тех, кому никогда уже не сделаться настоящим драконом, выследить, изловить, укротить и удержать в клетке... Не каждому ётуну под силу!

Один молча кивнул. Он уже почти наяву видел ожидающую рабов участь – быть сожранными на арене на потеху предвкушающей кровавое зрелище толпы.

Однако ни Локи, ни сам владыка Асгарда и пальцем не пошевелили, чтобы помочь несчастным. Это людские дела. Каждый из невольников имел выбор – умереть в бою или жить презренным рабом. Кто сам отверг Валгаллу – или поля Фрейи, – того нечего жалеть и такому незачем помогать.

Потом возле арены появились зазывалы, хотя народ и так клубился вокруг, словно пчелиный рой около дупла с медовыми сотами. Один не прислушивался – какое ему дело?

– Ас Воронов, – Локи вдруг потянул его за плащ. – Ты хочешь идти? Я думал слегка задержаться.

– Зачем? – поморщился Один. Кровавые забавы людей его не прельщали, в Асгарде не случалось ничего подобного, его обитатели предпочитали охоту.

– Хочу взглянуть на тех, кому предстоит тут сразиться. Кто знает, может, и сыщется достойный, угодивший в рабы

по злой судьбе?

Один поднял правую бровь.

– Я знаю, я знаю, – заторопился бог огня. – Каждый из них имел и до сих пор имеет выбор. Но всё-таки... я хочу глянуть.

Владыка Асгарда усмехнулся.

– Небось приметил там какую-нибудь красотку? Ох, Локи, Локи, и зачем я только отдал за тебя замуж бедняжку Сигюн...

Против ожиданий, бог огня вдруг потупился.

– Такова уж моя природа, – развёл он руками чуть ли не виновато.

Один только покачал головой.

– Я не судья моему названому брату.

– До срока, – криво и бледно ухмыльнулся бог огня.

– Да, – сурово ответил Один. – До срока, Локи. Так изрекла вёльва, и слово её нерушимо.

– Иногда я думаю, – полушёпотом проговорил бог огня, – иногда я думаю, что случится с пророчеством, если я, скажем, погибну до срока? Если я не стану поднимать великанов Йотунхейма и Муспелля на войну против Асгарда? Что, если какое-нибудь неведомое чудище в наших с тобой странствиях, старший брат, окажется сильнее?

– Едва ли сыщется такое, что сможет одолеть нас двоих, Локи, брат мой.

– Спасибо, что по-прежнему зовёшь меня так.

– И буду звать. До самого последнего дня². Но что же – ты желаешь смотреть? Будь по-твоему, Локи, но не зови меня присоединиться к тебе.

– Отчего же? – пожал плечами бог огня. – Это Митгард, это люди, твои излюбленные дети, твоё творение...

Один лишь покачал головой.

– Пусть эта сказка – про то, как людей сотворили из ясеня и ивы³, – останется уделом скальдов. Ты же знаешь, как всё случилось на самом деле, Локи.

– Ты дал им законы, ты одаривал и карал, Один, брат мой. Поэтому они – твои дети, ибо ты растил их, как строгий отец растит сыновей и дочерей.

– Ловкость твоего языка известна всему Митгарду, Локи.

² В классической версии «Старшей Эдды» – «Перебранка Локи» – бог огня сперва устраивает перебранку на пиру у морского великана Эгира, оскорбляя асов, затем пускается в бегство, однако асы ловят его и подвергают наказанию – превращают в волка одного из его сыновей от брака с Сигюн, тот убивает своего родного брата, другого сына Локи и Сигюн, после чего Локи связывают кишками его собственного сына, а Скади, супруга Ньёрда, вешает над связанным богом огня ядовитую змею, яд которой непрерывно капает из раскрытой пасти. Несмотря на всё это, Сигюн остаётся верна Локи и неотлучно находится с ним, держа чашу над его лицом, куда и собирается яд, и лишь когда Сигюн опорожняет сосуд, капли яда касаются лица Локи, отчего он корчится в жутких мучениях. Считалось, именно этим объясняются землетрясения. Лишь после этого Один и асы узнают пророчество вёльвы, возвещающей грядущий Рагнарёк, уничтожение старого мира и гибель почти всех асов. В моей версии событий, изложенной в книгах «Боргильдова битва» и «Молодой маг Хедин», пророчество вёльвы случилось до всех и всяческих «перебранок», так что Локи и асы вынуждены жить уже со знанием того, какой конец ждёт каждого из них. – *Прим. авт.*

³ «Старшая Эдда», «Прорицание вёльвы», строфа 17.

– Тут не требуется никакой ловкости, – возразил бог огня. – Люди поклоняются тебе, Ас Воронов, возводят тебе храмы, возносят к тебе свои молитвы, прося заступничества и помощи. Так почему же ты отворачиваешься от их развлечений? Люди таковы, какими их сделал твой порядок, брат мой.

– В твоих словах есть истина, брат, – медленно сказал Один, не сводя с Локи своего единственного глаза. – Я останусь. И, клянусь своим собственным копьём, если среди рабов окажется такой, что не падёт на колени, моля о пощаде, но станет биться доблестно, я сам встречу его на пороге Валгаллы и сам поднесу ему первый рог с мёдом.

– Слова истинно великого Аса, – поклонился Локи.

Один лишь нахмурился и ничего не ответил.

Тем временем рабов и в самом деле вывели из тесных клеток. Было их чуть больше дюжины, грязные и исхудавшие люди, мужчины и женщины – вперемешку.

Они сбились в кучу, прижимаясь к брёвнам ограды. Мужчина с косматой бородой и в одной лишь измаранной набедренной повязке, жутко завывая, бросился на частокол, попытавшись вскарабкаться по жердинам; получил в межрёберье тупым концом копья от стражника и, хрипя, сполз вниз. На губах его проступила пена, словно у бесноватого.

– Нет, Валгалла его не ждёт, это точно, – покачал головой бог огня.

Надрывались зазывалы, звенели монеты, меняя владель-

цев, толпа сгущалась, напирая.

– Смотри, брат мой, – Локи слегка толкнул Одина в бок.

Над кучкой прижимающихся друг к другу невольников, словно башня, возвышалась молодая женщина, настоящая богатырка; в жилах её наверняка можно было отыскать примесь крови ётунов. Широкие скулы, широкие же плечи, руки, бугрящиеся мускулами, высокая грудь, спутанные коротко обрезанные волосы. К ней прижималась совсем юная девушка, ростом едва достигая локтя богатырки. Силачка обнимала её одной рукой, растерянно озираясь по сторонам, словно не понимая, как очутилась здесь и что тут делает.

А потом на арене появился недодракон. Драконейт, отброс гордого драконьего племени, изгнанный из гнезда собственной матерью и угодивший в лапы поимщикам-людям. Грязно-серо-зелёная чешуя, огромный ошейник чёрного железа с шипами – острия внутрь; многих чешуй не хватает, видны следы ожогов и ударов. На лапах – толстенные браслеты от кандалов. Когти для пущего устрашения тоже окочены железом, хотя никакой нужды в том не имелось – даже у недодраконов когти острее и крепче любой человеческой стали.

Прислужник взобрался на подмости, с натугой перевалил через верх груды ржавого оружия – копыя, секиры, рога-тины, несколько мечей. Толпа заголосила.

Недодракон повёл рогатой башкой, всхрипнул. Маленькие глазки наливались алым – он был голоден и зол. Слушать

что-либо кроме собственного желудка он не мог, за что мать в своё время и выкинула его из гнезда.

Драконы – нежнейшие родители тем из своих детей, кто способен встать рядом с ними или превзойти их, но совершенно безжалостны к «недотыкомкам».

Невольники вопили, кто-то пробовал карабкаться по жердям ограды – стражники спихивали таких вниз. Никто даже не попытался схватиться за сброшенное на арену оружие, даже для того, чтобы дать отпор хотя бы наёмникам хозяев арены.

Один искоса взглянул на бога огня – тот неотрывно смотрел на богатырского сложения молодуху, губы Локи шевелились, и Старый Хрофт разобрал «ну, давай же, давай, ты же можешь!».

Но девушка лишь хлопала длинными ресницами, крепко прижимая к себе не то подругу, не то младшую сестру, – и ничего не делала.

Зрители свистели и улюлюкали. Кто-то швырнул в невольников ком грязи – собравшиеся жаждали боя, а не просто кровавого пиршества для недодракона.

– Сражайтесь! – сжав кулаки, прошипел бог огня.

– Ты не можешь вложить собственное сердце тем, кто его лишился, – сурово заметил Отец Богов. – Я поклялся тебе, что тотчас возьму в Валгаллу храбро сражавшегося, но сейчас добавлю – если хоть один из них окажется достоин моих залов, остальные отправятся к Фрейе. Не в Хель. Хотя это

и не в моих правилах.

Один едва не добавил «и может нам дорого обойтись», но вовремя удержался. Не с богом огня говорить на подобные темы.

Глаза Локи расширились.

– У нас каждый бьётся за себя. Смерть настигнет любого, и умрёт каждый, сражаясь с ней за собственное посмертие. Храбрость и доблесть одного не искупят трусости или низости других. В этом – высшая справедливость, Ас Воронов.

– Я знаю! – Один досадливо оборвал названного брата. – Но сейчас... я вижу... я чувствую...

– Ты разрешаешь мне им помочь? – почти взмолился бог огня. – Подсказать... подбодрить... самую малость?

– Да, тебе, Локи, и впрямь всегда нравились великанши. При Рагнаради мне придётся ответить и за слёзы Сигюн. Я выдал её за тебя замуж, в надежде, что её кротость и доброта улучшат твой нрав, но, как видно, ошибся.

Локи покраснел, несмотря на все свои удаль и ухарство.

– Не разрешаю! – отрезал Один, не обращая внимания на умоляющий взгляд бога огня. – Валгаллу себе и спасение от Хель другим кто-то из них может заслужить лишь сам.

Сын Лаувейи⁴ отрывисто кивнул и отвернулся.

Недодракон тем временем не торопился. Несмотря на голод, он пусть и тупой башкой, но понимал, что людям никуда не деться с тесной огороженной арены, и, наверное,

⁴ Великанша Лаувейя – мать бога огня Локи.

хотел растянуть удовольствие. К жертвам он приближался не спеша, широкими кругами, щёлкал челюстями, тянулся скрюченными передними лапами – и отдёргивался, словно чего-то испугавшись. Клыкастая пасть при этом кривилась в подобии жуткой усмешки.

– Несчастный, – вдруг сказал Локи.

– Что-что? – не поверил своим ушам Один. Бог огня к сочувствию и состраданию, и тем более чудовищному недодракону, недостойному высокой чести принадлежать к волшебному драконьему племени, был никак не способен.

– Несчастный, – повторил бог огня. – Его собственная мать отреклась от него. Его отец – жесток и бессердечен, сыновья для этого горе-родителя – лишь поленья в костре его гордыни, предмет хвастовства перед другими. А этот недодракон изгнан своим родом, лишён свободы...

Один усмехнулся.

– Драконы жестоки, но справедливы. Равный шанс даётся каждому.

Локи не ответил.

Драконейт тем временем подобрался совсем близко. Постоял, раскачиваясь на мощных задних лапах, один удар которых опрокинул бы повозку, доверху гружённую камнем. И – готов был поклясться Один – со злым торжеством поглядел вниз, на так и оставшееся валяться ржавое оружие, к которому не потянулась ни одна рука.

Губы бога огня сжались.

Богатырка, к которой всё теснее жалась её юная не то младшая сестрёнка, не то подружка, с прежней растерянностью глядела на неспешно приближающегося недодракона.

«Ну, чего же ты?! – с горечью подумал Один. – Ты сильна. Тебе нечего терять, а обрести можешь поистине многое. Другие невольники, эвон, падают окарачь, вопят и рыдают, кое-кто так и вовсе обмочился от страха. Ты щедро одарена силой, что же ты медлишь, чего ждёшь? Спасения нет, ему неоткуда взяться. Хозяева арены не отташат голодного драконейта. Всемогущие боги не спустятся с огненного моста, чтобы защитить невинных, – невинные должны защищаться сами или искать защитников».

Так было, так есть, так будет.

Прижимавшаяся к богатырке девушка заглянула ей в глаза, словно что-то безмолвно спрашивая.

Та не ответила, только втянула голову в плечи и зажмурилась.

Один видел, как у девушки сжались кулаки. Медленно, словно продираясь сквозь болотную жижу, она шагнула навстречу недодракону, навстречу его голодному взгляду и ждущей пасти. Она не нагибалась, чтобы подобрать оружие, она просто шла.

– Безумная, – услышал Один горячий шёпот Локи.

Да, скорбно подумал Отец Богов. Безумная. Она ничего не сделает драконейту, не задержит его даже и на миг. Если только, конечно, не принадлежит к роду ведьм.

Но ведьма едва ли оказалась бы в столь жалком положении. Она освободилась бы куда раньше, попросту перебив стражу и обратив во прах все и всяческие частоколы.

Нет, скорее всего, у бедняжки просто помутился рассудок. И неудивительно, смерть от клыков и когтей недодракона трудно назвать лёгкой или почётной.

Однако она шла. Прикусив нижнюю губу и сжав кулачки, шла, глядя прямо в мутные буркала драконейта.

Отец Дружин сам ощутил, как деревенеют скулы. Иные забавы у людей и в самом деле... не слишком их достойны.

Остальные рабы окарачь расползались в разные стороны, словно это могло им хоть как-то помочь. Может, уверовали, что недодракон насытится одной лишь девчонкой и «не тронет» остальных?

Наивные и злые глупцы. Никто из вас не достоин даже полей Фрейи, с неприязнью подумал Отец Богов.

Богатырка подняла голову. Подбородок у неё трясся, руки дрожали крупной дрожью.

– Хьён!

Вставшая навстречу драконейту девушка не обернулась.

Богатырка неуверенно шагнула следом. На валявшееся под ногами оружие она даже не взглянула.

Локи с шипением втянул воздух сквозь сжатые зубы.

Девушка остановилась перед драконейтом. Смешно склонила голову набок.

– Ты ведь хороший? Правда, ты ведь хороший? Просто ты

голодный и тебе больно...

Драконейт попятился. В полудетском голоске крылась неведомая сила, словно сталь меча в неказистых ножнах.

Однако, подавшись было назад, недодракон быстро пришёл в себя. Голод побеждал, он гнал страшилище вперёд, не давая опомниться.

Уродливая серо-зелёная чешуйчатая башка мотнулась из стороны в сторону, челюсти клацнули.

Взмах когтистой лапы – и девушка отлетела к частоколу. Она не вскрикнула, несмотря на обагрившееся кровью плечо.

– Хьёнлун! – богатырка вскинулась, стряхивая оцепенение. Отшвырнула одного невольника, отпихнула другого, бросаясь к упавшей.

В маленьких заплывающих глазках недодракона мелькнуло нечто, похожее на интерес. Не обращая внимания на расползающихся кто куда рабов, драконейт повернулся, чешуйчатые губы растянулись в жутком подобии улыбки, обнажая клыки и бледные дёсны.

Богатырка не смотрела на чудище, она рухнула на колени прямо в пыль подле упавшей Хьёнлун.

Драконейт нависал над ними, с губ стекала тягучая слюна, отвисая до самой земли. Он, похоже, в достаточной мере насладился созерцанием беспомощных жертв и теперь уже хотел просто жрать. Пасть раскрылась, когтистые лапы метнулись вперёд – но богатырка, извернувшись по-змеиному,

обеими руками вцепилась в то, что можно было б назвать «запястьями» передних лап недодракона. Лицо её жутко перекосилось, нижняя челюсть вдруг выпятилась, вспухли бугры мускулов, она всем телом подалась вперёд, что было мочи отталкивая голодного драконейта от бездвижной Хьёнлун.

Бог Один своими ушами услышал, как захрустели кости чудовища. Он своими глазами увидел, как недодракон попытался одним движением челюстей отгрызть своей противнице голову – та опередила его, боднув лбом прямо в подбородок, да с такой силой, что пасть недодракона захлопнулась с треском, словно ломался толстенный ствол дерева.

Богатырка была не просто дочерью народа ётунов, хотя в её жилах, бесспорно, текла их кровь. Она была хексой, троллквинной, ведьмой – но особой. Сейчас сила её вырвалась на поверхность, круша и ломая посягнувшего на её спутницу драконейта; резкое движение, громкий хруст, и левая лапа страшилища повисла, сломанная чуть ниже кисти. Богатырка ударила кулаком снизу вверх, под нижнюю челюсть драконейта, едва не сломав тому позвонки.

Один оглянулся на бога огня. Названный брат аж привстал на цыпочки, боясь упустить хоть что-то из творящегося на арене.

Однако недодракон, несмотря на повисшую лапу, не бросился наутёк, как, наверное, поступил бы любой другой зверь. В конце концов, он оставался драконом, и боевое безумие было свойственно ему не меньше, чем его полнородным

собратьям.

Богатырка едва успела увернуться от кляцнувших челюстей, в живот ей нацелились жуткие когти левой здоровой лапы драконейта; она отдёрнулась, затрещала ткань, бок воительницы пересело четыре кровавых росчерка.

Один дёрнулся, словно когти полоснули его самого. Боль ворвалась, словно разбивающий ворота таран, в глазах померкло.

Он не испытывал такого с самого мига собственного жертвоприношения.

Локи вмиг оказался рядом, но Отец Дружин уже выпрямился, со свистом втягивая воздух сквозь стиснутые зубы. Нет! Он владыка Асгарда, никто не смеет подавать ему руки или поддерживать, он сам поддерживает всех!

Богатырка тем временем держалась, несмотря на окровавленный бок. Её прямо-таки окутывала аура силы, нечеловеческой, но и не божественной – этой просто неоткуда было взяться.

Локи быстро обернулся, перехватив взгляд названного брата. Прояснился взор и самого Одина, он видел скрытое от других, даже от хитроумного бога огня: распростёртая на утоптанной земле девушка по имени Хьёнлун приподнялась на локте, и с её окровавленных пальцев текло незримое нечто, текло, окутывая воительницу словно плащом, соединялось с изначально дарованной силой племени ётунов, образуя нечто новое, совершенно новое.

Ведьма, подумал Один. Может, из тех, кого якобы собирает и учит приснопамятная Гульвейг, объявленная чуть ли не «матерью ведьм»?

Богатырка сражалась. Магия удесятирила её мощь, иначе она не продержалась бы против драконейта и нескольких мгновений. Никакие храбрость и мужество не способны остановить размах смертоносных когтей, и одна лишь доблесть, когда у тебя никакого оружия, кроме собственных рук, плохая защита от клыков.

Магия уравнивала шансы. Она не сделала воительницу неуязвимой и непобедимой. Не дала ей мощь опрокидывать горы или выдыхать огонь, иссушая целые моря. Нет, она всего лишь билась почти на равных, и тут уже могли сказать своё слово и доблесть, и мужество.

Кулак ударил драконейту под нижнюю челюсть, и пасть громко щёлкнула, захлопываясь. Башка чудовища дёрнулась, недодракон невольно отшагнул назад, и богатырка ударила вновь, не обращая внимания на покрывающую костяшки собственную кровь. Драконейт захрипел-зарычал, когти его чертили в пыли длинные следы, однако он не мог удержаться, он отступал, не понимая, что происходит и откуда у двуногой добычи вдруг взялась этакая силища?

Удар, удар, голова драконейта мотнулась из стороны в сторону. Кулаки воительницы разбивали чешуи знаменитой драконьей брони, вминая их в плоть, и из трещин брызнула чёрная кровь. Ещё взмах, драконейт не успевает отдёрнуть-

са – раздаётся жуткий хруст, и длинная нижняя челюсть повисает: суставы выбиты, связки и сухожилия разорваны.

Драконейту этого хватило. Он был голоден, ослеплён злобой, но жить он всё-таки хотел больше.

Собственно, это и сделало его в своё время недодраконом: истинный сын этого племени не отступил бы ни на шаг и умер бы вместе с противником.

Видя, что страшилище бежит, жалобно взвизгивая и даже не помышляя о бое, готовое колотиться о запертые ворота, дружно взвыли в восторге зрители. Теперь все подбадривали богатырку, над ареной повис неистовый рёв:

– Дави! Круши! Убивай!

Однако кто-то из хозяев этого зверинца сумел не потерять головы. В конце концов, драконейт – зверь редкий и дорогой, терять его вот просто так никто не собирался. Торопились стражники, створки со скрипом приоткрылись, и скулящий, жалобно повизгивающий недодракон, точно побитый щенок, бросился к людям.

Спасите-помогите, казалось, говорила его нелепая покалеченная морда.

Богатырка, шатаясь, остановилась посреди арены. Аура, поддерживавшаяся Хьёнлун, угасала, сама девушка, наверное, не могла удерживать её долго. Перепуганные рабы зашевелились – они остались в живых, но надолго ли? Какой ещё страх и ужас выпустят на них мучители?

И даже сейчас никто из них не потянулся за оружием.

Никто.

За исключением воительницы.

Драконейта меж тем водворяли в его клетку, к нему уже спешили знатоки-врачеватели – звезду странствующего кровавого цирка следовало спасать.

– Что ты теперь скажешь, брат? – тихо проговорил Локи. – Среди них нашлось сразу двое тех, что сражались.

– Моё слово крепко, – мрачно отозвался Один, переводивший взгляд с богатырки на Хьёнлун и обратно. – Никто из них не пал, все живы, и потому вместо полей Фрейи они получают свободу.

Руны разнятся

Различья рекомых

Разное рвутся решить –

пробормотал начало одной из собственных вис Отец Богов. Острие Гунгнира стремительно черкнуло раз, другой – и под ногами задрожала земля, словно в ужасе. Её слои и кости дрогнули, пласты вспучились, выталкивая вбитые людьми докучливые столбы и колья. Ограда арены с треском рухнула, вздымая клубы пыли, рабы с воплями кинулись кто куда; да и зеваки как-то все вдруг разом вспомнили, что у них полно дел в совершенно иных местах.

Пыль, крики, неразбериха, беготня. И среди этого почти что первозданного хаоса на коленях стояла окровавленная богатырка, поддерживая голову Хьёнлун.

Сила больше не стекала с пальцев девушки, глаза её закрылись и ввалились, лицо посерело.

Отец Дружин остановился рядом. Гунгнир он держал остриём к земле, не пряча.

Воительница вздрогнула, вскинула голову. Рот её приоткрылся в немом изумлении.

– В-великий... – Она поперхнулась и осеклась.

– Ты хотел проверить, узнает ли она тебя, брат? – слегка усмехнулся Локи. – Можешь быть доволен, узнала. Что дальше?

– Поднимись, достойная дева, – с должной суровостью проговорил Один. – Перед асами не стоит валяться в пыли или ползать на брюхе.

Хьёнлун вдруг закашлялась, тело скрутило судорогой.

– Отдала слишком много сил, – тоном знатока заметил Локи. – Брат, если ты и впрямь не хочешь заниматься её посмертием, дозволишь ли ты мне...

– Делай что должен, Локи, – нетерпеливо бросил Отец Дружин, и бог огня кивнул, даже не обидевшись.

– Как имя твоё, доблестная?

Богатырка несмело приподняла взгляд. В глазах стояли слёзы.

– Сигрун, великий Ас.

– Встать, Сигрун. Сегодня ты снискала большую славу. Встань, и идём отсюда. Кто тебе эта девушка именем Хьёнлун?

– Дочь сестры моей матери.

– Кто твой отец, богатырка?

– Йотун Хримвальди отец мне, – Сигрун опустила голову. Щёки заливала краска. – Моя мать бежала, не желая обречения с нелюбимым. Заблудилась в глухом зимнем лесу. Великан Хримвальди спас её, но... потребовал платы.

– Не раз сражался я с ётунами севера, не раз довелось мне и пировать с ними. Тебе нечего стыдиться отца своего, Сигрун. А сейчас – идём, если только мой названный брат Локи уже помог твоей двоюродной сестре.

Никем не узнанные, они покинули селение.

Пришедшая в себя Хьёнлун во все глаза глядела на расточавшего цветы красноречия Локи, а статная Сигрун так же не сводила глаз с Отца Дружин.

– Поведай мне свою историю, дочь Хримвальди.

И он взял её за руку.

Богатырка вздрогнула, беспомощно вздохнула. Из глубины, с самого дна больших глаз поднимался тёплый свет, свет, так хорошо знакомый Отцу Богов.

Так их стало четверо в дороге.

* * *

– Ты уверен, Ас Воронов? Ты уверен в ней?

– Да, Локи. Руны не лгут. Это будет истинная валькирия.

– Тебе нужна ещё одна дочь – или сама Сигрун?

– Не задавай слишком много вопросов, Локи.

– Ты заберёшь девчушку от матери?

– Сказал верный муж и заботливый отец.

– Ну-у, так нечестно, нечестно! – запротестовал бог огня. – В конце концов, это именно мне положено соблазнять чужих жён, наставлять рога мужьям и прочее!

– Очень удобно, не правда ли? – усмехнулся Один. – Нет, Локи, повторю тебе снова: руны не лгут. У Сигрун будет дочка, и она станет великой валькирией. Её мать пошла безоружной на драконеюта, этот дух передастся и дочери. А что насчёт тебя?

– Насчёт меня? – Локи отвёл глаза. – Мне тоже понравилась Сигрун, но я видел, как она смотрит на тебя, старший брат. И... я отошёл в сторону.

– К Хьёнлун? – поднял бровь Отец Дружин.

– Не пропадать же добру? – Бог огня пожал плечами. – Но становиться отцом я не собираюсь, не беспокойся. С меня хватит Хель, Фенрира и Йормунгад. Не считая сыновей Сигюн.

– У женщин могут иметься их собственные мнения на этот счёт, – заметил Один.

Бог огня лишь беззаботно отмахнулся.

– Ты уже придумал ей имя? – сменил он тему.

– Конечно. Рандгрид, Разбивающая Щиты. Это хорошее имя для валькирии.

– Что скажет сама Сигрун?

– Валькирии – дочери Одина. Матери не имеют над ними власти, – сурово отрезал Отец Богов.

Локи лишь покачал головой.

Много лет спустя, когда пали Молодые Боги, уступив власть над Упорядоченным названным братьям Хедину и Ракоту, бывшим Истинным Магам, когда отгремело сражение в Эвиале и сам Спаситель отступил от обречённого, казалось бы, мира, когда всё как будто бы вернулось на круги своя, Один, Старый Хрофт, Отец Дружин встретил Рандгрид, единственную уцелевшую после Боргильдовой битвы валькирию. Бессчётные века она скрывалась, служа наёмницей, воительницей, почти забыв своё истинное имя. Её знали как Райну – во множестве мест и миров.

Глава I

Древняя сталь

Дремучая чаща вокруг, девственный лес, где, казалось, никогда не бывало не то что человека, но даже и зверя. Но подними взгляд – и ты поймёшь, что оказался в круглой скалистой котловине. За спинами путников остался длинный жёлоб узкого ущелья, а ещё дальше – горы, дикие горы Восточного Хьёрварда, вонзившие прямо в небо острые пики белоснежных вершин.

Очень, очень давно, «когда мир был юн», эти места звались Ётунхеймом. Вернее, были частью его, простиравшегося не на один лишь континент.

Два всадника застыли на узкой тропе, среди лесной тишины. Даже птицы не осмеливались подать здесь голос.

Один из скакунов, дивный восьминогий жеребец, кому надоело безмолвие, вскинул точёную голову, заржал.

– Ничего, – мощная рука наездника опустилась, похлопав Слейпнира по шее. – Скоро и домой... Наш путь закончен. Это здесь, Райна.

– Да, отец, – валькирия склонила голову.

– Так-то лучше, – Старый Хрофт, он же Игг, он же Один – усмехнулся в густые усы. – Хотя «повелитель», конечно, тоже правильно.

– Значит, Фазольт и Фафнер жили здесь, по... отец?
Старый Хрофт спешился, кивнул.

– Здесь. И сюда они вернулись, закончив строительство Асгарда.

– Не осталось никаких следов...

Один вновь кивнул, не без угрюмости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.